



## ГЛАВА 1

Говорю сразу — в мистику или в судьбу я не верю. Мир большой, совпадения случаются такие, что диву даешься. Лично я давно уже не удивляюсь. Не в моем это характере.

Сентиментальности за мной тоже не водится. Но сегодня я была не в духе по причине, которую многие посчитали бы сентиментальной.

Годовщина смерти полковника Анисимова. Вроде и времени прошло немало, а иной раз как вспомнишь — и нехорошо делается на душе. Кошки скребут, черти и кому там еще положено в минуты тоски... Все-таки самоубийство. Паршивая смерть, как ни посмотри. Был полковник всему нашему отряду как отец родной, понадобилось бы — и перед самим президентом прикрыл бы, выгородил. А элитный отряд специального назначения перед начальством защитить — это вам не перед директором школы отчитаться за успеваемость класса.

Накатило, словом. А вечерок-то притом славный, теплый, для прогулки — в самый раз. И я решила пройтись, размяться, хотя уж физических нагрузок в моей жизни хватает. Тело-

хранителем работать — не в офисе штаны протирать. На задании тосковать некогда. Тем не менее пускай родной-любимый «Фольксваген» на сей раз отдохнет. Автомобильная езда мое плохое настроение явно не развеет.

Мила, когда я привычно заглянула к ней предупредить, куда отправляюсь, с интересом внимала телеведущей, пересказывающей последние сплетни из светской жизни знаменитостей.

— Да-да, конечно, Женечка, прогуляйся, — согласилась она, отвлекшись от экрана. — А то ты в последнее время слегка подкисла, что ли.

На экране показали фотографию какой-то костлявой строгой дамочки в костюме, хорошо так за тридцать, с брезгливым выражением лица. Вот уж кто точно подкис! Я тут же перевела взгляд на более приятное лицо своей тетушки.

— Ничего такого, Мила, думаю, это просто от безделья. Давай, я недолго.

На данный момент, к слову, уже с две недели, как я не получала предложений о работе. Что для меня необычно: я редко так долго сижу без дела, да и не люблю простои. Может, оттого и накатил сплин — я человек, к спокойной жизни непривычный. А тут печальная дата попала на свободное время. Хоть сама начинай искать новое дело — и вовсе не потому, что деньги понадобились.

Тарасов — город относительно нешумный, с Москвой не сравнишь. Есть, конечно, места поблагодрустнее, есть — не самые приятные.

Мне-то, с моим стажем и профессиональными навыками, можно не слишком перебирать, где дорожки топтать: попробуй кто ограбить, парой синяков не отделается. Но драки искать не хотелось (хотя, соглашусь, неплохой способ пар выпустить). Поэтому я выбралась в центр и вскоре оказалась в одном из районов, в котором в основном жили обеспеченные люди. Как сказала бы моя тетя Людмила (для меня по ее же просьбе — Мила) — буржуазия, средний класс, среднее некуда. Тихо-мирно-прилично.

Шла я знакомым маршрутом, почти автоматически поворачивая, куда нужно, но не теряя бдительности. Профессиональная привычка. Даже за миллион долларов я не смогла бы представить ситуацию, в которой я, бывалая уже барышня, смогла бы эту самую бдительность ослабить.

Погода была и в самом деле благодатная, даже в такой час еще гуляли собачники, парочки, кое-кто и с детьми вышел.

Эх, красиво. А ведь если бы не почти добившая меня морально смерть полковника, то осталась бы я в «Сигме»? Как ни крути, а жизнь в Тарасове меня более чем устраивала. Может, рано или поздно — но все закончилось бы именно тарасовским житьем-бытьем.

Я остановилась. На чистых рефлексках, ощутив что-то не то в вечерней теплыни старого района. Что-то происходило совсем рядом.

Сейчас я находилась в одном из старых проходных дворов: удобные лавки, несколько де-

ревьев, полное отсутствие людей и тишина. И вот как раз в противоположной от меня подворотне тихо не было.

— Нет!! — громко, пронзительно донеслось оттуда. — Не смей!

Женский голос.

Я бросилась туда.

Уже за десять метров до происходящего передо мной развернулась картина: двое, в темной одежде и масках на лицах, высокие и крупные. И против них — невысокая женщина и мужчина, явно в возрасте, судя по седине.

В руках у нападавших не было ни ножей, ни пистолетов. Но это не значило, что их вообще нет.

Все это я отметила уже походя, стремительно бросаясь вперед. Прежде чем я успела вмешаться, произошло следующее.

Один из нападавших врезал женщине по лицу и попытался вырвать сумку у нее из рук. Женщина сумку не отдавала, вцепившись мертвой хваткой. Мужчина, ее сопровождавший, попытался сбежать. Но второй нападавший приложил его спиной о стену проходной, а затем, схватив за челюсть, о стену же ударил головой — несколько раз.

Женщина закричала повторно и попыталась ударить противника ногой. Она не заметила, что ее товарищ по несчастью уже лежит на земле без движения. Ей было не до того: атакующий ее достал пистолет.

Но тут уже вмешалась я.

Перебитая кость хрустнула на славу, из-под черной маски с прорезями раздался глухой вскрик. Да, парень, запястье сломать — это тебе не мизинчиком ноги об угол удариться. Пистолету упасть я не дала: тут же перехватила, врезала рукояткой противнику по носу и в секунду наставила пистолет на второго нападавшего.

Точнее, туда, где он раньше находился. Судя по всему, он решил не дожидаться своей порции тумачков и бросил напарника.

В подворотне стало тихо, только раненый продолжал подвывать, да женщина тяжело дышала. Она прижималась к стене (это зря, маневренность снижает), стискивая сумку, переводя взгляд с седого мужчины на меня и затем на обезвреженного горе-грабителя.

Затем лицо ее мгновенно исказилось от ярости, она рванулась к оставшемуся противнику и въехала ему ногой в пах. Слабовато, на мой взгляд, но тут особой силы и не требуется.

— Ах ты, сука! — заорала она. — Кто тебя послал?! Ленька, да?!

И прибавила еще пару крепких выражений, больше подошедших бы грузчику или моряку.

М-да, судьба лежащего без сознания мужчины ее, похоже, не волновала.

— Вы бы вызвали «Скорую». И полицию, — громко сказала я. — За этим я пригляжу.

Чего там приглядывать, впрочем. Удар в пах окончательно сбил несчастного с ног. Не без моей скромной подготовки, конечно.

Женщину мое замечание отрезвило. Она оглянулась на меня, на пистолет в руке, на седого. Подбежала к нему, щупая шею и проверяя пульс. Затем торопливо достала мобильник.

Да уж, Охотникова, вышла погулять...

Повезло: и полиция и «Скорая помощь» приехали достаточно быстро и практически одновременно. Перед появлением полицейских я обтерла пистолет платком и положила на асфальт. Преступник все равно был в перчатках, на его отпечатки пальцев на пистолете можно было не надеяться. А мне, пусть я и имею в Тарасове и авторитет, и надежную репутацию, неприятности с чужим оружием не нужны. Скажу, что выбила пистолет из рук, а дальше обезвредила врага в рукопашной. И незнакомка подтвердит мои слова.

У незнакомки, однако, оказалось свое мнение на этот счет. Дача свидетельских показаний в ее планы на вечер, очевидно, не входила. Едва в машину «Скорой помощи» загрузили обоих пострадавших, а неподалеку притормозили полицейские, ее и след простыл. До меня донесся лишь визг автомобильных покрышек — дамочка была на колесах.

Я с более чем ясной головой (и не через такое проходили) обрисовала полную картину дежурному офицеру. Благо сегодня дежурил мой неплохой знакомый, Шура Осколкин, и мои слова имели для него вес. Он знал, что я не со вру. К тому же задержанный нападавший и до этого имел приводы в полицию. Так что здесь

можно было рассчитывать хоть на какую-то справедливость. Правда, едва ли для неудавшегося грабителя все будет так сурово, как могло бы быть для его скрывшегося соучастника.

Потому что раненный соучастником мужчина впал в кому от полученной травмы. И еще неизвестно, как повернулось бы дело для той мадам, не вмешайся я.

Бегство ее не давало мне покоя. Я ведь не знала всей картины целиком. Что, если она тоже была соучастницей? Подозрительно. Видимо, ей было из-за чего опасаться контакта с правоохранительными органами.

В больнице я задержалась. Седой дядька вызвал у меня искреннее сочувствие, хотелось убедиться, что его опознали. Досталось ему все-таки больше всех.

Вины по поводу того, что я не успела ему помочь, я не испытывала. Всех не спасешь — меня вообще могло там и не оказаться. Сделала, что смогла. А та дама могла бы и спасибо мне сказать, а не сбегать вот так вот по-идиотски, еще и привлекая мое внимание.

Я спустилась к кофейному автомату на первом этаже — после выброса адреналина хотелось сладкого, без оглядки на последствия для фигуры.

Взяла растворимый горячий шоколад в картонном стаканчике и решила немного подождать. Переведу дух да и пойду все-таки, пожалуй. Шура Осколкин пообещал держать в курсе.



Он, как и я, счел бегство дамы подозрительным. Но вполне ожидаемым. Теорией строить не стал, все равно виновник лежал под надзором в одной из палат под солидной дозой обезболивающего, после веселой процедуры вправления костей и наложения гипса. Никуда до утра не денется, а дальше — полный сервис, допрос с пристрастием, предъявление обвинения...

Вот, кстати, дамочку он попросил описать поподробнее, голос, одежду и прочее.

Выслушал меня, озадаченно морща лоб. Я уж думала, он начнет показывать мне фотографии подозреваемых, но Шурка ответил только, что по моему описанию очень уж похоже на Лидию Рубинову.

— Ну, та тетка из телика, — устало пояснил он, одной рукой давая мне подписать свидетельские показания, а другой вытаскивая «Сникерс» из ящика стола. — Не телеведущая, нет, эта... продюсер.

— А разница в чем, Шур?

— У телепродюсеров власти побольше. Решают, какой сюжет пустить в эфир, кого из ведущих когда поставить, в таком духе. Рубиновая довольно крутая.

Тут лоб наморщила уже я. Не особо я люблю все эти телевизионные программы и предпочитаю не вникать. Когда мне нужна информация, я обращаюсь к проверенным людям, которые не подведут, и получаю от них проверенную информацию. А телевизионщики... тетя Мила

о всех этих эфирных персонах побольше знает, а у меня при упоминании вроде известного имени никакое лицо перед мысленным взором не всплыло.

Вру, поправила я себя, размешивая шоколад и отпивая. Теперь при упоминании имени этой телепродюсерши вспоминалась женщина из проходной, противно орущая: «Ленька, да?!»

Кто этот Ленька, интересно? Конкурент? Муж, действительный или бывший? Ревнивый любовник? И вот ведь интересно: седого дядьку приложили знатно. Я бы даже сказала, перестарались — с первого взгляда было понятно, что он как боец опасности не представляет. Ему одного удара под дых хватило бы за глаза и за уши. А тут так сурово, аж до комы.

А с этой дамочкой миндальничали. Такое впечатление, что ограбить собирались да припугнуть. Это я, конечно, догадками занимаюсь. Может, нападавший думал, что с некрупной женщины и пары затрещин хватит. Но на сумку он нацеливался, это точно. И еще было понятно, что я подроспела к самому началу инцидента. А преступники рассчитывали разобраться по-быстрому. Оно и видно, им ведь не пара мордovorотов противостояли.

Я допила шоколад и вышвырнула стаканчик в урну. Может, целью был именно седой мужик, а дамочку хотели лишить сумки только для виду, маскируясь под ограбление. Тот седому и шагу сделать не дали. При нем и вещей-то толком не оказалось. Хотя не исклю-

чаю, преступник мог уже его ограбить к моменту моего вмешательства.

Ладно, сочувствие сочувствием, а мне бы и домой пора. Травмированного я одним своим присутствием из комы не выведу, а Осколкин мое любопытство удовлетворит, в случае чего.

Однако к помощи Осколкина мне прибегать не пришлось. За него меня проинформировал тот самый телевизор, из которого была та самая Лидия Рубиновая.

Утро следующего дня для меня началось поздно (я типичная «сова») и вполне банально. Мила уже позавтракала, сварила кофе и сидела у себя в комнате. Она, в отличие от меня, и впрямь охотно смотрит телевизор. Не всякий мусор, нет: преподавательское прошлое и врожденная интеллигентность делали Людмилу Охотникову разборчивой. Но вот теми же светскими сплетнями и новостями, вот как вчера, Мила вполне могла побаловаться. Так человек, сидящий на сбалансированной диете, вдруг срывается и съедает «Доширак», или шаурму из ближайшего киоска, или сразу две пачки чипсов — так, что за ушами задорно трещит.

«Хрустело», видать, до того аппетитно, что Мила сочла нужным позвать меня.

— Женя! Женя, иди скорее! — Мила, судя по голосу, была одновременно встревожена и заинтригована. Так-так...

Я, как была, в халате и с пиалкой цельнозерновых хлопьев с молоком в руках, прошла

к ней в комнату. Мила сделала звук у телевизора погромче. Я засунула ложку с хлопьями в рот и замерла.

С голубого экрана на меня смотрела та самая дамочка — вчерашняя, из проходной. Сейчас ее показывали, что называется, в динамике: транслировали видеозапись, на которой она горячо, даже яростно доказывала что-то оппоненту. Выражение перекошенного злостью лица было тоже точь-в-точь как вчера. Казалось, она сейчас, ног под собой не чуя, подлетит к противнику и пропишет ему ногой в пах — подобное продолжение разговора в ее исполнении казалось более чем логичным.

Но нет, обошлось словесной перепалкой. Причем крепкой: то и дело речь дамы (между прочим, в солидном дорогом костюме и с уложенными в прическу волосами, с драгоценностями в ушах и на пальцах) перебивалась понятными звуковыми сигналами. Репортаж шел по одному из центральных каналов, и мат предсказуемо цензурили.

Я прислушалась, жуя хлопья.

— ...На Лидию Рубинову, знаменитого в телевизионных кругах продюсера, было совершено покушение накануне вечером в городе Тарасове. К сожалению, пока нет возможности получить комментарий самой Лидии относительно происшествия. Состояние ее после покушения также неизвестно. Не поступило комментариев и от ближайшего окружения Лидии...